

УДК 392:94(47+476)

© *Надежда Канашиевич*

профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилевского института МВД (Беларусь), кандидат исторических наук, профессор

© *Nadezhda Kanashevich*

Professor of the Social and Humanitarian Disciplines dept. of Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs (Belarus), Ph.D in History, Professor

МЕНТАЛИТЕТ В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Интерес специалистов различных профилей к проблеме ментальности как базисному компоненту исторической памяти доказывает ее значимость для понимания социальных и политико-идеологических процессов современного общества. Однако в научном сообществе пока не выработано общепринятой точки зрения по вопросу о природе и базисных компонентах этого явления общественной жизни.

Актуальность избранной темы определяется тем, что историческая память как социокультурный феномен в последнее время стала объектом пристального теоретического и практического интереса, что нередко обозначают понятием «мемориальный поворот».

Проблема исторической памяти многопланова и может стать предметом теоретического осмысления в различных аспектах. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы систематизировать методологические подходы к исследованию менталитета как одного из самых трудноуловимых и глубинных состояний исторической памяти общества в контексте его роли в сохранении социокультурного кода нации.

Менталитет — одно из сложнейших явлений общественной жизни: его принадлежность преимущественно к духовной сфере и связь с коллективным бессознательным создают трудности для научного анализа и являются причинами неуловимости. Обращая на это внимание, французский историк Мишель Вовель писал, что осторожность, смешанная с определенным недоверием к этому понятию, объясняется, с одной стороны, опасениями обвинения в «мистификаторстве», с другой — это «боязнь отклонения в сторону воображения, что отдаляет от твердой почвы социальной истории» [1, с. 457].

Действительно, нередко ментальность общества воспринимается как образно-метафорическое понятие. В соответствии с таким подходом ментальность может рассматриваться как «общий умственный инструментарий», «психологическая оснастка», «социокультурные автоматизмы», «архетипы» сознания, своеобразный «психологический тезаурус» и даже всеобъемлющий «эфир культуры». Вместе с тем утвердилось представление и о том, что «ментальность» является незаменимой категорией для анализа исторической памяти и всей духовной жизни общества, особенно на переломных ее этапах.

Рассмотрим, какие методологические основания для определения менталитета в качестве категории научного исследования были предложены с позиций философии, психологии, культурологии и социологии.

Постановка вопроса об обществе как коллективном субъекте, наделенном общественным сознанием, была подготовлена многими мыслителями XIX – начала XX столетия. Известно, что даже К. Маркс использовал термин «умонастроения», но в его работах эта тема не получила развития. Ближе к этой проблеме подошел французский социолог Э. Дюркгейм, в работах которого присутствует идея «коллективного бессознательного» и фактически содержалось описание специфики ментальности различных цивилизаций (египетской, греко-римской, индийской, азиатской, христианской и др.).

Широкую известность получили работы швейцарского психолога и философа культуры Карла Юнга, который проявил интерес к изучению глубинных психологических процессов и состояний, как своего рода «архетипов» (первичных образов), не представленных в сознании индивида или недостаточно осознанных. «Наш бессознательный ум, как наше тело, — считал К. Юнг, — хранилище следов и воспоминаний прошлого» [2]. Архетипы, по К. Юнгу, выполняют функцию «социокультурных автоматизмов», или «всеобщих априорных схем поведения», которые, являясь носителями коллективного опыта рода, передаются по наследству и определяют схожесть чувствования, мышления и поведения людей, относящихся к общему историко-культурному типу, являясь тем основанием, на котором вырастает индивидуальная психика.

Однако само понятие «менталитет» впервые появляется в 20-е годы XX века в работах представителей французской исторической школы «Анналов», основанной Люсьеном Февром и Марком Блоком. Последователи этой школы придерживались принципа воспроизведения «тотальной истории», включая ментальность различных слоев общества той или иной эпохи. С позиций историко-антропологического подхода они стали исследовать не деятельность великих людей или отдельные события,

а общество в целом, пытаясь понять смысл явлений, изучая мотивы поступков, массовые представления, идейную подоплеку действий людей той или иной эпохи.

По мнению латвийского профессора Харийса Туманса, представители школы «Анналов» первыми увидели в истории «живого человека с его мыслями и чувствами» и сделали объектом изучения «формы мыследеятельности людей изучаемой эпохи» [3]. Исходной посылкой методологии школы «Анналов» была убежденность, что человек и его психика исторически изменчивы, соответственно, способность людей воспринимать мир в разные эпохи и в разных культурах различна. В ментальности французские историки увидели исторически специфический тип коллективного сознания, присущий тому или иному народу, позволяющий ему по-своему воспринимать и осознавать природное и социальное окружение и самих себя.

Истоки «коллективных представлений» представители школы «Анналов» усматривали в особенностях исторического и социокультурного бытия народа. Поэтому их обращение к проблеме ментальности потребовало привлечения данных социологии, этнографии, географии, расширения круга источников вплоть до археологии и обращения к «фольклорной» культуре (культуре «безмолвствующего большинства»), постижения народного сознания через мифы, былины и былички, заговоры и «покаянные» книги, изучения проповедей и житий святых. Исследования этой школы показали, что без учета ментальности невозможно понимание конкретного общества, так как ментальность — это не только основополагающий компонент исторической памяти, но и показатель нынешнего состояния общества, а также ключ к пониманию его будущего развития.

В этом контексте интерес представляют исследования последователей школы «Анналов» по истории Великой французской революции, которые подвергли сомнению классическую интерпретацию этих событий как буржуазной и антидворянской революции и получили название «ревизионистского» направления в ее историографии. Изучение этих событий с позиций «истории ментальностей» выявило не противоположность ментальности дворянства и буржуазии, а общую их заинтересованность в добровольной модернизации Старого порядка, что и произошло в 1789–1793 годах. В противоположность этому консервативной ментальностью народных низов были негативно восприняты первые итоги революции: внедрение либеральных принципов свободы торговли и предпринимательства. Такой подход позволяет объяснить причины острейшей гражданской войны (Вандея) и политических катаклизмов

в послереволюционной Франции, несколько раз менявшей монархию на республику и наоборот.

В российской философской традиции, оборвавшейся в 1920-е годы, обращение к изучению глубинного слоя общественного сознания было обусловлено потребностью различения народных представлений и установок элиты в условиях назревавшей революционной ситуации. Известная черта восточнославянской истории, хорошо просматривавшаяся на белорусском фоне, состояла в том, что нигде столь резко не расходились «великая письменная» и «малая народная» (устная) традиции. Если у европейских народов эти традиции в основном совпадали, то восточно-европейское интеллектуальное меньшинство тяготело к письменной культуре Запада и часто пренебрежительно относилось к народным дохристианским стереотипам сознания и поведения.

В русском языке нет прямого аналога французскому понятию *mentalite*, поэтому в российской дореволюционной философии было предложено несколько оригинальных понятий: «умственный и духовный строй народа» — К. Кавелин; «душа народа», «мирочувствие», «особый склад души» — Н. Бердяев [4, с. 11–13]; «бессознательная духовность» — И. Ильин [5, с. 237]. Посредством этих понятий русские философы развивали идею о народных представлениях и образах как об исторически и коллективно формируемом народном сознании, имеющем глубинные дохристианские и догосударственные истоки, что существенно отличается от политико-идеологических воззрений элиты.

Трактовка русскими философами ментального как народного была обусловлена спецификой восточнославянских обществ, для которых исторически характерно дистанцирование народа от власти, что, в частности, выявилось в неприятии либеральных реформ 60-х годов XIX века и стало одной из причин революции 1917 года. История в очередной раз показала, что структуры ментальности как важнейший компонент исторической памяти народа обладают большей исторической устойчивостью по отношению к изменениям в экономике и социально-политической жизни, а также относительной независимостью от них.

Таким образом, несмотря на то, что менталитет — одно из самых трудновоспринимаемых состояний духовной жизни, он все же не представляет собой нечто абсолютно неуловимое и обнаруживает себя в различных проявлениях общественного сознания, а также в политических, идеологических, духовных, религиозных движениях, особенно громко заявляя о себе в условиях кризиса.

В аспекте предмета исследования представляет интерес теория «габитуса» (*habitus*), предложенная французским социологом П. Бурдьё

фактически как аналог ментальности. По П. Бурдые, габитус — это система прочных приобретенных «предрасположенностей» мышления и поведения, которые формируются у индивидов в конкретной объективной среде («социальном поле») и, как правило, не предполагают сознательной направленности, воспроизводятся автоматически в индивидуальной и коллективной практике, даже тогда, когда породившего их социального поля нет. Для иллюстрации такой ситуации П. Бурдые использовал любимый пример К. Маркса — образ Дон Кихота, нелепо действующего в среде, отличающейся от той, к которой он объективно приспособлен [6].

Габитус, по П. Бурдые, — продукт истории, но в то же время система предрасположенностей, предполагающая действие людей в настоящем («прошлое, присутствующее в настоящем»), и одновременно это система, устремленная в будущее. Невольно напрашивается аналогия с поведением в постсоветский период людей, имевших предрасположенности к патерналистской роли государства, но вынужденных в 1990-е годы действовать в становящейся рыночной системе.

На этом переломном этапе, когда начали стремительно изменяться все сферы жизни, закономерно перед исследователями встал вопрос, насколько исторически сложившаяся коллективная психология и «историческая память» народа влияют на процесс адаптации различных социальных групп к рыночной системе хозяйствования и влияют на выбор приоритетов развития постсоветских обществ. Для ответа на вопрос о развитии переходных процессов потребовались не отягощенные прежними идеологическими штампами научные подходы к осмыслению нашего прошлого и настоящего.

В качестве такой новой комплексной методологии исследования выступили труды ряда российских и белорусских авторов, посвященные изучению ментального измерения общественного сознания. Прежде всего, это работы российских ученых А. Гуревича [7], Л. Гумилева [8], А. Ахиезера [9], в которых предпринимаются попытки реконструкции ментальности различных исторических эпох. В белорусском научном сообществе нормативный подход к трактовке ментальности, имевший место в 1990-е годы, постепенно уступает место ее научному эмпирическому изучению. Вместо перечисления нередко произвольно отобранных характеристик «белорусскости» наблюдается стремление к ее социологическому изучению.

На базе Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого (Гомель) с 1999 года начинают проводиться международные научные конференции «Менталитет славян и интеграционные

процессы: история, современность, перспективы». Отражением этой потребности стало и то, что научные сотрудники Института социологии Национальной академии наук Беларуси выдвинули идею о необходимости формирования парадигмы «цивилизационного кода белорусского общества» как методологического инструментария для понимания совокупности факторов, «которые во многом детерминируют современное состояние общества и влияют на формирование его будущего» [10, с. 11]. Примером таких исследований являются работы Е. М. Бабосова, В. В. Кириенко, И. В. Котлярова, Л. И. Науменко и других белорусских авторов.

К настоящему моменту проблема ментальности оформилась как научная и междисциплинарная, в ее разработке принимают участие историки, философы, культурологи, социологи. Рассмотрим ряд достижений в этой области.

Формирование историко-антропологического направления в изучении ментальности связано с исследованиями А. Я. Гуревича, советского и российского историка-медиевиста. В работах А. Я. Гуревича ментальность — это некий «духовный инструментарий», «духовная оснастка» или «склад ума», определяющие своеобразие видения мира, приемы и навыки освоения действительности, модели сознания и поведения. При этом имеются в виду не «вполне осознанные и более или менее четко формулируемые идеи и принципы», а их «конкретное наполнение» — «не “план выражения”, а “план содержания”, не абстрактные догмы, а “социальная история идей”» [11, с. 454].

Социокультурное обоснование проблемы ментальности предложено одним из основателей российской культурологии А. С. Ахиезером. Его концепция основывается на том, что культура и социальные отношения представляют собой два основных аспекта воспроизводства человеческой деятельности, но изменения в них подчиняются разным закономерностям. Это постоянно порождает социокультурные противоречия, проявляющиеся в конфликтах между сохраняющимися на ментальном уровне исторически сложившимися программами деятельности и инновациями, которые стремятся их изменить. В трехтомном труде «Россия: критика исторического опыта» (1991) А. С. Ахиезер провел исследование социокультурной динамики российского общества посредством методологического инструментария, включающего около 350 новых терминов, и фактически превратил некоторые общеизвестные научные метафоры в научные категории [9].

Еще одна методология, дающая ключ к пониманию проблемы менталитета, предложена в работах А. И. Ракитова — советского и российского философа, специалиста по логике, методологии, философии науки и техники, информатике, создателя и научного руководителя российского Центра информатизации, социально-технологических исследований и науковедческого анализа (ИСТИНА). Этим ученым развивается методология исторической эпистемологии, посредством которой знания и культура в целом исследуются с позиций переработки и преобразования кодифицированной информации [12].

По мнению А. И. Ракитова, любую культуру следует рассматривать как двухкомпонентную структуру, включающую «ядро культуры» (аналог менталитета) и его «защитный пояс». Ядро культуры концентрирует в себе нормы, стандарты, эталоны и правила деятельности, систему ценностей, выработанных в реальной исторической практике данного этнического или религиозно-культурного сообщества людей, т. е. сохраняет информацию о его истории, этапах формирования, изменении условий жизни и деятельности. Это возможно только при условии высокой устойчивости и минимальной изменчивости культурного ядра, которое выполняет функцию своего рода ДНК.

Главная функция ядра культуры, по мнению А. И. Ракитова, состоит в обеспечении самобытности социума и его самоидентификации. Информация, аккумулируемая в ядре культуры, через систему социализации транслируется от поколения к поколению. Сохраняют и воспроизводят ментальную информацию языковые структуры, мифология, фольклор, национальные и социальные традиции, обычаи, привычки, правила бытового поведения, обряды, предрассудки. Защитный же пояс культуры — это как бы фильтрующие механизмы, пропускающие информацию от ядра во все структурные компоненты социума, но одновременно активно поглощающие информацию, поступающую в него извне, от других культур.

Определенные ориентиры для понимания вопроса о роли менталитета общества в трансформационных процессах дают выводы синергетики — междисциплинарного направления научных исследований, в рамках которого на основе эксперимента и математического инструментария изучается динамика открытых сложных неравновесных систем от простейших физических и химических форм до сложнейших биологических и социальных систем. В этой связи обратим внимание на ряд положений синергетического анализа.

Исследуя динамику сложных открытых систем, И. Пригожин и Э. Стенгерс пришли к следующему: «“Историческая” траектория,

по которой эволюционирует система, характеризуется чередованием устойчивых областей, где доминируют детерминистические законы, и неустойчивых областей вблизи точек бифуркации, где перед системой открывается возможность выбора одного из нескольких вариантов будущего» [13, с. 155–156]. Режим бифуркационного развития — это состояние «на грани хаоса», когда начинается спонтанная самоорганизация (трансформация) системы и скачкообразная перестройка ее организационной структуры.

Экспериментально на основе изучения поведения открытых неравновесных систем на уровне микрофизических и микрохимических явлений были выявлены три фактора, определяющие «выбор системы» и детерминирующие ее «конечное состояние»: взаимодействия между ее элементами, «предыстория системы» и воздействие среды [13, с. 148–151]. Таким образом, каждое звено сложных открытых систем имеет не только свою внутреннюю логику развития, но и одновременно находится под воздействием других сопряженных систем и систем более высокого уровня (в физике — магнитных, гравитационных, электромагнитных полей). Применительно к обществу к таким факторам можно отнести влияние культурного наследия, устоявшихся институтов и традиций, других социокультурных, государственных и глобальных общностей. В свете синергетики процесс самоорганизации обусловлен не только противоречиями внутреннего развития, но и воздействием внешнего фактора — отношениями информационно-энергетического обмена с окружающей средой посредством «втягивания несистемных элементов в орбиту системности». Нововведения (инновации) выступают в качестве важнейшего источника трансформационных процессов.

До настоящего времени остается открытым и привлекает внимание ученых вопрос о структурных компонентах ментальности общества. В этой связи обратим внимание на позицию российского автора О. М. Казаковой, суть которой состоит в том, что «менталитет может быть описан в рамках основных направлений философии: онтологии, гносеологии, аксиологии и праксиологии» [14, с. 180]. По мнению автора, каждый из этих способов философского осмысления мира позволяет выделить определенный срез этого сложного и многогранного феномена:

– онтологический — характеризует «бытийный аспект» национального менталитета как взаимосвязанные знания о времени и пространстве, природе, обществе и человеке, обусловленные «природными и историческими условиями»;

– гносеологический — выявляет особенности познавательной деятельности как «национальный способ постижения мира», «национальный стиль мышления», «склад ума», «образ и направленность мыслей»;

– аксиологический — дает представление о ценностном аспекте менталитета как специфической системе ценностей данной общности;

– праксиологический — выявляет «национальный кодекс поведения», «нормы поведения и культурные табу» практической деятельности, особенности эмоциональных и поведенческих реакций, системы ролей.

Представляется, что заявленный О. М. Казаковой подход эффективен для структурирования общественного сознания конкретного общества, но недостаточно учитывает тот факт, что менталитет во многом представляет собой дорефлективный смысл бытия, неосознанно или не вполне осознанно воспроизводящий исторический коллективный опыт народа (коллективное бессознательное).

Если же говорить о менталитете как о специфическом характере общественного (национального) сознания, то следует понимать его в широком смысле в связи с глубинными состояниями человеческой психики, т. е. ее подсознательной эмоционально-психологической основой. Менталитет представляет собой уровень не рационального, а психологического восприятия социальной информации — своего рода «бессознательную духовность» — не столько осознанные, четко формулируемые идеи и принципы, сколько явления, во многом отражающие ту психологическую детерминанту поведения, верность которой люди сохраняют в любых обстоятельствах, особенно в критических.

Основными механизмами передачи и воспроизводства многовекового опыта народа, безусловно, являются такие элементы культуры, как традиции, обычаи, нравы, обряды, ценности, стереотипы. Однако с уверенностью можно говорить об этих явлениях лишь как о компонентах общественного сознания, посредством которых проявляются «социокультурные автоматизмы» и «архетипы», т. е. специфика ментальности данного общества. В этой связи можно обратить внимание и на другие компоненты общественного сознания, давно изучаемые и имеющие категориальный статус в современном обществоведении:

– исторический (национальный) характер как эмоциональные компоненты психологического склада — совокупность наиболее устойчивых для данной общности реакций в восприятии окружающего мира, т. е. духовно-поведенческая специфичность, отличающая социальную (национальную) группу от других;

– историческое (национальное) сознание — рациональные компоненты психологического склада — совокупность взглядов, оценок,

мнений, выражающих особенности духовного развития народа (представления о своей истории, ценностях жизни, об общих интересах, о своем месте среди других социальных групп и характере взаимоотношений с ними);

– социальное (национальное) самосознание или «Мы-образ» — осознание и восприятие своей принадлежности к определенной социокультурной группе, самоидентификация с ней, сопричастность к ее истории и ценностям, современному состоянию и перспективам.

Представляется, что при рассмотрении соотношения между понятиями «менталитет» и «историческая память» следует руководствоваться принципом историзма и исходить из того, что истоки «памяти народа о прошлом» коренятся в особенностях его историко-культурного, цивилизационного и этнонационального развития. Поэтому при рассмотрении исторической памяти нельзя обойти вниманием три среза в историческом опыте народа, определяющих специфический характер его настоящих духовных структур:

– базисный ментальный уровень исторической памяти, концентрирующий в себе исторический и культурный опыт народа как своего рода «внеисторические» ценности и установки, отражающие дорефлективный смысл бытия («архетипы» сознания), сохраняющие коллективный опыт поколений, полученный в обстоятельствах формирования народа, приверженность которым сохраняется всегда, особенно проявляясь в критических ситуациях;

– средний уровень исторической памяти – осознанная (в письменных источниках) или не вполне осознанная («социокультурные автоматизмы») форма сохранения опыта исторических циклов цивилизационного и этнонационального развития, исторической судьбы народа, его достижений и уроков, что закрепляется через различные пласты культуры и уровни общественного сознания, сохраняется в форме традиций, ценностно-нормативных установок поведения;

– верхний уровень («картина мира»), представленный текущим социальным опытом, полученным на протяжении современного этапа развития данного общества.

В качестве заключения отметим, что, несмотря на явный интерес специалистов различных областей гуманитарного знания к проблеме ментальности, не стоит пока преувеличивать научный статус понятия «менталитет», которое до настоящего времени слабо обосновано методологически. Сложность восприятия менталитета объясняется тесным

переплетением в этом явлении рациональных и иррациональных аспектов духовной жизни, и четко установить их соотношение пока не представляется возможным.

Вместе с тем нельзя отрицать, что менталитет представляет собой базовый уровень исторической памяти как устойчивую модель мышления и поведения людей, неосознанно воспроизводящуюся в каждом новом поколении, благодаря чему сохраняется самобытность, обеспечивается культурная преемственность и устойчивость поведения членов данного сообщества.

Список основных источников

1. Вовель, М. Ментальность / М. Вовель // 50/50: Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. — М. : Прогресс, 1989. — С. 456–459.
2. Юнг, К. Г. Архетип и символ [Электронный ресурс] / К. Г. Юнг. — Режим доступа: https://bookscafe.net/read/yung_karl-arhetip_i_simvol-148291.html#p1. — Дата доступа: 05.12.2022.
3. Туманс, Х. Будут ли у нас свои «Анналы» [Электронный ресурс] / Х. Туманс // Жебелевские чтения — 4 : тез. докл. науч. конф., Санкт-Петербург, 30 окт. – 1 нояб. 2002 г. — Режим доступа: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/2002-10/tumans.htm>. — Дата доступа: 05.12.2022.
4. Бердяев, Н. А. Миросозерцание Достоевского / Н. А. Бердяев // Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. — М. : Искусство, 1994. — Т. 2. — С. 7–140.
5. Ильин, И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. — М. : Республика, 1993. — 431 с.
6. Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые. — М. : Акад. проект, 1993. — 147 с.
7. Гуревич, А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. — М. : Искусство, 1990. — 396 с.
8. Гумилев, Л. Этногенез и биосфера Земли / Л. Гумилев. — М. : Ральф, 2001. — 560 с.
9. Ахиезер Александр Самойлович [Электронный ресурс] // Институт Философии Российской Академии Наук. — Режим доступа: <https://iphras.ru/page19320976.htm>. — Дата доступа: 04.01.2019.
10. Котляров, И. В. Беларусь на пути в лучшее будущее (социологические тренды) / И. В. Котляров // Социологический альманах / Институт социологии НАН Беларуси. — Минск, 2018. — Вып. 9. — С. 9–14.
11. Гуревич, А. Я. Ментальность / А. Я. Гуревич // 50/50: Опыт словаря нового мышления ; под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. — М. : Прогресс, 1989. — 560 с.
12. Ракизов, А. И. Новый подход к взаимовлиянию истории, информации и культуры / А. И. Ракизов // Вопросы философии. — 1994. — № 4. — С. 14–34.

13. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. с англ. — Изд. 4-е, стер. — М. : Едиториал УРСС, 2003. — 312 с.

14. Казакова, О. М. Структура национального менталитета / О. М. Казакова // Государство и право в эпоху глобальных перемен : материалы междунар. науч.-практ. конф., Барнаул, 29 июня 2017 г. ; под ред. С. К. Бурякова. — Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2017. — С. 179–181.

MENTALITY IN THE SYSTEM OF HISTORICAL MEMORY

An analysis of methodological approaches to the study of mentality allows us to conclude that the lack of existing theoretical interpretations of this problem lies in the fact that this concept often includes either the self-consciousness of society, or, on the contrary, only the pre-reflective meaning of being, which is difficult to amenable to the analytical definition necessary for social theory.

However, the problem of the mentality or the socio-cultural code of the nation as a basic level of historical memory should obviously be considered in terms of the «invariants» of being, the encroachment on which threatens society with dangerous deformations. The history of many countries testifies that underestimation of the mentality factor often led politicians to isolation from the people, political parties to defeat, and society to a deepening crisis.